Марк Твен

Размышления о религии

Марк Твен

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЛИГИИ

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1964

«Не вскрывать до 2406 года». Так было написано на рукописи яркого антирелигиозного произведения Марка Твена «Размышления о религии», над которым он работал в последние годы жизни. В этих заметках писатель подверг уничтожающей критике христианскую религию, ее догматику, мораль, черные деяния духовенства. Твен знал, что подобную рукопись будет не так-то легко опубликовать в США. Он знал, что книга вызовет яростные нападки религиозных фанатиков, и потому завещал издать ее не ранее чем через 500 лет после своей смерти.

Великий сатирик во многом оказался прав. «Размышления о религии» свыше 50 лет оставались неизвестными широкому читателю. В США нашлись силы, которые более полувека препятствовали изданию рукописи. Только осенью 1963 года это талантливое произведение увидело свет.

Впервые издаваемая на русском языке, неизвестная ранее рукопись Твена представляет большой интерес не только для пропагандистов атеизма, но и для всех читателей, которые знают и любят творчество великого американского сатирика.

Отзывы просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция научно-атеистической литературы.

Перевод *И. Гуровой*

Глава первая

Вторник, 19 июня 1906 года

Наша Библия рисует характер бога с исчерпывающей и безжалостной точностью. Портрет, который она нам предлагает,— это в основном портрет человека, если, конечно, можно вообразить человека, исполненного и переполненного злобой вне всяких человеческих пределов; портрет личности, с которой теперь, когда Нерон и Калигула уже скончались, никто, пожалуй, не захотел бы водить знакомство. Все его деяния, изображенные в Ветхом завете, говорят о его злопамятности, несправедливости, мелочности, безжалостности, мстительности. Он только и делает, что карает — карает за ничтожные

проступки с тысячекратной строгостью; карает невинных младенцев за проступки их родителей; карает ни в чем не провинившихся обитателей страны за проступки их правителей; и снисходит даже до того, что обрушивает кровавую месть на смирных телят, ягнят, овец и волов, дабы покарать пустяковые грешки их владельцев. Более гнусного и разоблачающего жизнеописания в печатном виде не существует. Начитавшись его, начинаешь считать Нерона ангелом света и совершенства.

Оно открывается рассказом о чудовищном вероломстве; вероломство — это лейтмотив всей книги. Ее начало, наверное, было придумано в детской пирата — настолько оно мерзко и в то же время младенчески наивно. Адаму запрещено вкушать плод некоего дерева, ему без тени улыбки сообщается, что в случае неповиновения он умрет. Как можно было ожидать, что такая угроза произведет на него хотя бы малейшее впечатление? Ведь Адам был взрослым мужчиной лишь по внешности. А знаниями и опытом он не превосходил двухлетнего младенца. Он не мог знать, что означает слово «смерть». Он ни разу в жизни не видел ни одной мертвой твари. Он ни разу прежде не слышал о смерти. Это слово не имело для него никакого смысла. С тем же успехом ему могли бы пригрозить, что если он съест это яблоко, то немедленно преобразится в меридиан,— Адам одинаково не мог понять ни того, ни другого слова.

Можно было не сомневаться, что жиденький интеллект, измысливший эту достопамятную угрозу, сопроводит ее всякими другими пошлостями, основанными на весьма низкопробных понятиях о справедливости и правосудии; так оно и вышло. Было объявлено, что все потомки Адама до последнего дня творения будут нести кару, раз этот младенец нарушил закон своей детской, навязанный

ему еще до того, как он вышел из пеленок. В течение многих тысячелетий все они, один за другим, подвергались неустанной травле и всяческим бедам в наказание за обыкновенную детскую шалость, которую пышно наименовали «грехом Адама». И на протяжении этого бесконечного времени никогда не было недостатка в раввинах, римских папах, епископах, священниках, пасторах и мирских раболепных душах, которые восторженно прославляли это позорнейшее преступление, провозглашали его неизреченно справедливым и праведным и осыпали сотворившего его такой грубейшей и беспардонной лестью, что кто угодно, кроме бога, услышав что-либо подобное, отвернулся бы со смущением и гадливостью. Хотя долгая привычка к лести и закалила наших восточных монархов, даже они не могли бы снести раздающихся по воскресеньям в церквах бесстыдных восхвалений, которые наш бог выслушивает самодовольно и удовлетворенно.

Мы, не краснея, называем нашего бога источником милосердия, хотя отлично знаем, что во всей его истории не найдется ни одного случая, когда он на самом деле проявил бы милосердие. Мы называем его источником нравственности, хотя его история и его повседневное поведение, о котором нам свидетельствуют наши собственные чувства, неопровержимо доказывают, что он абсолютно лишен даже какого-либо подобия нравственности или морали. Мы называем его Отцом, и при этом не в насмешку, хотя мы прониклись бы ненавистью и отвращением к любому земному отцу, если бы он подверг своего ребенка хотя бы тысячной доле тех страданий, горестей и жестоких бед, на которые наш бог обрекает своих детей каждый день, на которые он обрекал их ежедневно в течение всех столетий, прошедших с той минуты, когда свершилось это великое преступление — когда был сотворен Адам.

Наше представление о боге — это нелепое и смехотворное смешение идей. Мы разделяем бога пополам, низводим одну его половину в глухой уголок земли, где он должен принести спасение крохотному поселению евреев — причем только евреям и никому другому. А вторую его половину мы оставляем на небесном престоле, откуда она с тревогой и любопытством посматривает вниз, ожидая результатов. Мы благоговейно изучаем историю земной половины и выводим из этой истории заключение, что земная половина исправилась, обрела высокие моральные качества и всяческие добродетели и утратила какое-либо сходство со своей покинутой злобной половиной, пребывающей на небесном престоле. Мы считаем, что земная половина правосудна, милосердна, добра, кротка, исполнена всепрощения и сострадания к мукам человечества, которые она стремится смягчить и уничтожить. Совершенно очевидно, что представление об этом характере мы создали, не исследуя факты, а старательно уклоняясь от того, чтобы внимательно ознакомиться с ними, оценить их и взвесить. Земная половина призывает нас к милосердию и первая подает нам пример, изобретая озеро из огня и серы, в котором тем из нас, кто не признает ее богом и не поклонится ей, как богу, суждено гореть до скончания вечности. И гореть будем не только мы, осведомленные об этих условиях,— все мириады первых людских поколений обречены на ту же ужасную судьбу, хотя все они жили и умерли, никогда даже не слышав о нем или о поставленных им условиях. Подобный пример милосердия можно назвать блистательным. Где уж тут жалким земным дикарям или кровожадным лесным хищникам! Нам повелено прощать ближнего своего до семижды семидесяти раз — и радоваться и быть благодарными, если после благочестивой жизни наша душа на смертном

одре не успеет вырваться из нашего тела прежде, чем священник доберется до нас, чтобы второпях снабдить ее пропуском с помощью своих бормотаний, свечей и песнопений. Этот пример неисчерпаемой готовности прощать также можно назвать блистательным.

Нас уверяют, что две половины нашего бога разделены только по виду, а на самом деле они остаются единым целым и равно могущественны, несмотря на разделение. И вот земная половина — тот, кто оплакивает страдания человечества и хотел бы их уничтожить, и вполне способен их уничтожить в любой момент, когда это ему заблагорассудится,— удовлетворяется тем, что от случая к случаю возвращает зрение слепому, вместо того чтобы вернуть его всем слепым, от случая к случаю исцеляет калеку, вместо того чтобы исцелить всех калек, разок угощает завтраком пять тысяч человек и предоставляет всем голодным миллионам голодать по-прежнему; и все это время он наставляет бессильного человека избавлять всех своих ближних от зол, которые сам бог навлек на них и которые он — пожелай он того — мог бы уничтожить единым словом, выполнив тем самым прямую свою обязанность, коей он пренебрегал с начала времен и будет пренебрегать до их конца. Он воскресил из мертвых несколько человек. Совершенно очевидно, что он считал это очень хорошим поступком. Но в таком случае было нехорошо ограничиваться только пятью-шестью людьми; ему следовало бы воскресить всех остальных мертвецов. Сам я этого делать не стал бы, так как считаю, что мертвецы — единственные люди, которым можно позавидовать; а упомянул я об этом лишь мимоходом, как об одном из тех странных противоречий, которыми переполнено наше священное писание.

Хотя бог Ветхого завета — личность ужасная и отвратительная, он во всяком случае последователен. Он откровенен и прямолинеен. Он не делает вида, будто обладает какой-нибудь моралью или какими-нибудь добродетелями,— разве что на словах. В его поведении невозможно найти и следа чего-либо подобного. На мой взгляд, он несравненно ближе к тому, чтобы быть достойным уважения, чем его исправившееся «я», столь бесхитростно разоблачаемое в Новом завете. Ничто в истории — даже во всей его истории, взятой в целом,— и отдаленно не может сравниться по зверской жестокости с изобретением ада.

Его небесное «я», ветхозаветное «я» кажется самой добротой, кротостью и порядочностью по сравнению с его исправившимся земным «я». На небесах он не претендует ни на единое достоинство и действительно не обладает ни одним — если не считать того, что он приписывает себе на словах. А на земле он претендует на обладание каждым достоинством из всего каталога достоинств, однако делом он доказывал их лишь изредка, весьма скаредно, и кончил тем, что одарил нас адом, который разом уничтожил все его фиктивные достоинства.

Глава вторая

Среда, 20 июня 1906 года

Священные писания обязательно обладают одними и теми же характерными недостатками. Все они отличаются просто трогательной бедностью фантазии. Это бросается в глаза прежде всего. Второй недостаток заключается в том, что каждое без малейшего на то права претендует на оригинальность. Каждое широко заимствует у предыдущих без ссылок на источник, что, безусловно, является нечестным поступком. Каждое по очереди присваивает обветшавший реквизит предыдущих и с простодушной самоуверенностью пытается выдать его за самое свежее и последнее откровение, только что посту-

пившее с небес. Мы заимствуем Золотую заповедь[1] у Конфуция после того, как она уже отслужила несколько веков, и, даже не краснея, присваиваем себе авторство. Когда нам бывает нужен потоп, мы обращаемся к седой древности Вавилона, заимствуем его там, а затем гордимся им и радуемся ему так, будто он стоит подобных хлопот. И в наши дни мы все еще благоговеем перед ним, и восхищаемся им, и утверждаем, будто нам поведал о нем непосредственно бог, хотя нам отлично известно, что Ноева потопа никогда не было, да и не могло быть. Вообще потопы — любимая тема всех творцов священных писаний. Если найдется священное писание — или хотя бы предание какого-нибудь племени дикарей,— не упоминающее о Всемирном потопе, значит, у этой религии не нашлось под рукой подходящего источника, чтобы его заимствовать.

Другая излюбленная тема авторов священной литературы и основателей религии — это Непорочное Зачатие. Оно уже сносилось до дыр к тому дню, когда мы уверовали в него как в последнее новшество,—и нынче оно восхищает нас не меньше, чем восхищало своего изобретателя, когда миллион лет тому назад его мозг впервые разрешился этой идеей. Индусы восхваляли его еще в незапамятные времена, когда Непорочный процесс облагодетельствовал их Кришной. Буддисты были ужасно счастливы, когда 2500 лет тому назад они с помощью того же процесса обзавелись Гаутамой. Греки в те же времена чрезвычайно высоко его ценили, потому что их верховное божество и его приближенные завели обыкновение спускаться с горных вершин и населять Грецию ублюд-

[1] Принятое в Америке название заповеди: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».— *Прим. пер.*

ками — полулюдьми-полубогами. Римляне позаимствовали у Греции эту идею, и плоды, которыми с помощью Непорочного Зачатия снабжал их Юпитер, доставляли им великую радость. А мы получили эту идею непосредственно с Небес — через Рим. И мы по-прежнему заворожены ею. Всего две недели назад, когда некий епископальный священник в Рочестере был обвинен властями своей церкви в том, что он не верит в чудесное зачатие спасителя, преподобный доктор Бриггс — пожалуй, наиболее дерзко терпимый из всех нынешних американских священников — ринулся в бой за Непорочное Зачатие, опубликовав в «Норс американ ревью» посвященную ему статью. Судя по тону этой статьи, он убежден, что ему удалось раз и навсегда разрешить этот наболевший вопрос. В непорочности этого Зачатия нельзя сомневаться, утверждает он, поскольку дева Мария точно знала, что оно таково, ибо так сказал ей ангел благовещения. Кроме того, об этом свидетельствует следующий дополнительный довод: много лет спустя после этого события Иуда (младший сын девы Марии, рожденный в браке) был еще жив и беседовал с членами первых христианских общин; и он определенно утверждал, что это было несомненно Непорочное Зачатие. Следовательно, это истина — ведь Иуда был членом семьи, так кому же и знать, как не ему!

Если и есть что-нибудь забавнее самой доктрины о Непорочном Зачатии, так это те ошеломительные логические построения, с помощью которых люди, как будто бы очень неглупые, убеждают себя, что это невероятное событие является доказанным фактом.

Если бы доктора Бриггса попросили уверовать в процесс Непорочного Зачатия, скажем, Кришны, Озириса, Будды или кого-нибудь еще из этой публики, он, несом-

ненно, постарался бы с благодарностью уклониться, и, возможно, даже почувствовал бы себя оскорбленным. Если бы его загнали в угол, он, возможно, ответил бы, что поверить в это может только ребенок, поскольку достоверность этого события подкрепляется лишь людскими свидетельствами, а доказать подобный факт людскими свидетельствами невозможно: ведь если бы даже все человечество присутствовало при каком-нибудь Непорочном Зачатии, никто все равно не мог бы сказать, когда оно случилось, да и случилось ли вообще. И все же этот умнейший человек, у которого временно помутилось в голове, ухитрился уверовать в невозможное событие, подлинность которого подтверждается свидетельством, исходящим из человеческих уст, причем из уст всего лишь одного человека — самой девы, и, следовательно, свидетельницы отнюдь не беспристрастной, а крайне заинтересованной; свидетельницы, неспособной судить, действительно ли это событие имело место, и получившей все свои сведения из вторых рук — от постороннего лица, причем совершенно ей неизвестного, от якобы ангела, который, пожалуй, мог быть и ангелом, но мог также быть и сборщиком налогов. Мало вероятно, чтобы она до этого видела хотя бы одного ангела или знала их внешние приметы. Он был ей совершенно незнаком. Он не предъявил никакого удостоверения личности. Его свидетельство ни для кого другого и гроша ломаного не стоило бы. Да и теперь оно тоже гроша ломаного не стоит — разве что для людей, подобных доктору Бриггсу, которые утратили ясность мышления, без конца пережевывая нелепости в благочестивом желании извлечь из них что-нибудь здравое и разумное. Доктрина о Непорочном Зачатии целиком опирается на показания одного-единственного свидетеля, причем свидетеля, чьи показания не

имеют никакой ценности, поскольку о самом его существовании мы знаем только со слов молодой крестьянки, которой нужно было утихомирить своего мужа. Свидетельство Марии его удовлетворило, но только потому, что он жил в Назарете, а не в Нью-Йорке. В Нью-Йорке не найдется ни одного плотника, который поверил бы подобному свидетельству. Если бы Непорочное Зачатие можно было повторить в нынешнем Нью-Йорке, то в такое чудо не уверовал бы ни один мужчина, ни одна женщина, ни один ребенок из четырех миллионов его жителей — за исключением разве каких-нибудь полоумных последователей «христианской науки». Человек, способный поверить в матерь Эдди, не поперхнется и Непорочным Зачатием, проглотит и шесть Непорочных Зачатий разом. Да, Непорочное Зачатие не удалось бы с успехом повторить в современном Нью-Йорке. Оно вызвало бы смех, а не благоговение и поклонение.

Тому, кто в него не верит, оно кажется просто детской сказочкой. Только бог мог вообразить, что это — нечто грандиозное и хитроумное и может внушить благоговение. Только богу могло прийти в голову, что божественный сын, полученный путем внебрачных сношений с крестьянской семьей, может улучшить чистоту породы — а ведь вся идея как раз в этом и заключается. Порода приобретает чистоту, чистоту абсолютную, лишенную какого-либо изъяна или порока, с помощью грубейшего нарушения и человеческих, и божественных законов, изложенных в конституции и в библейских заповедях. Таким образом, христианская религия, которая требует от человека нравственности и соблюдения законов, сама зародилась из вопиющей безнравственности и явного нарушения закона. Да с помощью процесса Непорочного Зачатия даже кота не очистишь!

Однако этот священный реквизит, судя по всему, еще приносит пользу, еще годится в дело, несмотря на ветхость и сильную поношенность от чересчур частого употребления. Точно так же, как и пресловутые «роди». Этот... как его там... роди Кришну, Кришна роди Будду, Будда роди Осириса, Осирис роди вавилонских богов, они роди бога, он роди Иисуса, Иисус роди миссис Эдди. Если она собирается продолжить родословную и выполнить свою надлежащую долю «роди», то ей следует поторопиться, потому что она уже сильно застарела.

Наше христианство обладает одной примечательной чертой: каким бы отвратительным, кровавым, жестоким, алчным и хищным оно ни было (особенно в нашей стране, да и во всех других христианских странах тоже, хотя и в чуть смягченном виде), оно тем не менее в сотни раз лучше христианства священного писания с его неслыханным преступлением — изобретением ада. По меркам нашего нынешнего христианства, каким бы скверным, ханжеским, внешним и пустым оно ни было, ни бог, ни его сын не являются христианами и не обладают качествами, дающими право даже на это весьма скромное звание. Наша религия — ужасная религия. В морях невинной крови, которые были ею пролиты, могли бы без помех разместиться все флоты мира.

Глава третья

Пятница, 22 июня 1906 года

Вот уже два года, как христианство усердно практикует в царской России убийства и резню, с помощью которых оно в каждом столетии на протяжении девятнадцати веков вновь и вновь успешно убеждало христианский мир в том, что оно является единственной истинной религией — единственно подлинной религией мира и любви. Вот уже два года, как ультрахристианское царское правительство России официально устраивает и организует резню и избиение своих еврейских подданных. Эти избиения происходят так часто, что мы стали к ним почти равнодушны. Рассказы о них волнуют нас не

больше, чем сообщение о падении железнодорожных акций, в которые мы не вкладывали денег. Мы так привыкли к описаниям этих ужасов, что теперь, читая о них, даже не содрогаемся.

Вот подробности одной из последних попыток этих смиренных апостолов XX века убедить инаковерующих присоединиться к пастве кроткого и милосердного спасителя.

«Ужасные подробности были сообщены корреспондентом «Биржевой газеты», который приехал в Белосток вместе с депутатом Думы Щепкиным в субботу и успел отослать свое сообщение с нарочным в воскресенье вечером. По словам корреспондента, который вместе со Щепкиным отправился под охраной унтер-офицерского конвоя прямо в больницу, он был потрясен тем, что ему довелось там увидеть.

«Просто сказать, что трупы были изуродованы,— пишет корреспондент,— значит не дать ни малейшего представления об ужасной действительности. Лица убитых были изуродованы до такой степени, что в них не осталось ничего человеческого. Тело учителя Апштейна лежало на траве со связанными руками. В лицо и глаза его были вбиты трехдюймовые гвозди. Умертвив его таким способом, погромщики ворвались в его дом и перебили всю его семью — семь человек. Когда его труп был доставлен в больницу, на нем были также обнаружены следы штыковых ударов.

Рядом с Апштейном лежал труп десятилетнего ребенка, которому топором отрубили ногу. Тут же лежали жертвы из дома Шляхтера, куда, согласно показаниям свидетелей, вломились солдаты, которые, ограбив дом, убили жену Шляхтера, его сына и дочь соседей, а ему самому и его двум дочерям нанесли тяжелые ранения.

Мне сообщили, что солдаты ворвались в набитую людьми квартиру братьев Лапидус и приказали христианам отойти от евреев. Студент-христианин по фамилии Дикарь попробовал протестовать и был тут же убит. Затем всех евреев перестреляли».

От раненых в больнице корреспондент услышал много трагических рассказов — все примерно одинакового содержания. Вот рассказ тяжело раненного торговца Невяжского:

«Я живу на окраине. Узнав про погром, я хотел пробраться в город через поля, но погромщики меня заметили. Моего брата убили, мне сломали руку и ногу, проломили голову и ударили ножом в бок. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел, что надо мной стоит солдат, который сказал: «Да ты, никак, живой! Штыком тебя, что ли, приколоть?» Я умолял пощадить меня. Вернулись погромщики, но не тронули меня, говоря: «Все равно помрет, пусть подольше помучается».

Корреспондент, который высказывается о правительстве крайне резко, утверждает, что погром был спровоцирован, и обвиняет в этом полицмейстера Шереметьева. Он заявляет, что в погроме принимали участие не только царские солдаты, но и офицеры и что он сам уже в субботу был свидетелем того, как поручик Владимирского полка Миллер застрелил из окна гостиницы еврейскую девушку. Проезжавший в это время мимо губернатор Гродненской губернии приказал начать следствие»[1].

---

[1] В рукописи не указан источник, откуда взят этот рассказ. Видимо, речь идет о спровоцированном царскими жандармами еврейском погроме в Белостоке 15 июня 1906 г. Твен выступал против разгула черносотенцев, против еврейских погромов, с которыми вели решительную борьбу революционный пролетариат России и партия большевиков.— *Прим. ред.*

Священники и оптимисты любят проповедовать, что человечество непрерывно движется вперед к совершенству. Как обычно, они не подкрепляют свое мнение статистикой. Так уж заведено у священников — и у оптимистов тоже.

Намного ли продвинулось к терпимости человечество за время, прошедшее между резней альбигойцев и этими еврейскими погромами в царской России? Во всяком случае, между ними, несомненно, есть одно различие. Царская бойня далеко превзошла древнюю и зверствами, и утонченной жестокостью. Можно ли заметить какое-либо продвижение вперед между Варфоломеевской ночью и этими погромами? Да, разница та же самая: русские черносотенцы-христиане в 1906 г. и их царь дошли до такой кровожадной и животной жестокости, какая и не снилась их неотесанным собратьям, жившим 335 лет тому назад.

Евангелие мира постоянно шумит о своих успехах, постоянно радуется прогрессу, который оно сделало на пути к конечному совершенству, и постоянно весьма трудолюбиво избегает приводить статистические данные. Георг III царствовал шестьдесят лет — это по тем временам было самое долгое царствование в английской истории. Когда его блаженной памяти преемница Виктория миновала столб шестидесятилетия, поставив таким образом новый рекорд долголетнего царствования, Англия и ее колонии отпраздновали это событие с великой помпой и пышностью. Среди статистических данных, опубликованных для всеобщего восхищения, были и следующие: на каждый год из шестидесяти лет ее царствования христианские солдаты Виктории вели по одной отдельной и самостоятельной войне. За это время благодаря ограблению беспомощных и безбожных язычников владения

Англии разбухли до такой степени, что в Великобритании не хватило цифр для обозначения площади украденной земли, и их пришлось в больших количествах импортировать из других стран.

В наши дни не осталось мирных наций, если не считать тех, в чьи пределы, увы, еще не вторглось Евангелие мира. Все христианские страны представляют собой военные лагеря. Все прошлые поколения христианских бедняков постоянно находились на грани голодной смерти из-за налогов, шедших на гигантские арсеналы, которые христианские правительства создавали, дабы защищать себя от остальных членов братства, а заодно и прихватывать любой кусочек земли, оставленный без присмотра его владельцами-дикарями. Бельгийский король Леопольд II — пожалуй, наиболее деятельный христианский монарх (если не считать Александра VI[1]) из всех тех царственных особ, которым пока еще удалось избежать ада,— украл в Африке целое королевство и за четырнадцать лет христианских трудов уменьшил в нем численность населения с тридцати миллионов человек до пятнадцати с помощью убийств, пыток, тяжкой работы, грабежа, насилия — конфискуя даже физическую силу беспомощного туземца и давая ему взамен лишь спасение и приют в раю, которые в последнюю минуту обеспечивал ему христианский священник. На протяжении жизни нашего поколения все христианские державы занимались главным образом тем, что искали все более и более новые, все более и более эффективные способы убиения христиан — а попутно и парочки-другой язычников,— и тому, кто хочет как можно быстрее разбогатеть в земном

[1] Не ясно, кого имел в виду Твен, возможно папу Александра VI Борджиа (1492—1503), прославившегося своей бесчеловечной жестокостью.— *Прим. пер.*

царстве Христа, достаточно изобрести пушку, которая одним выстрелом сможет убивать больше христиан, чем любая ее предшественница.

Кроме того, на протяжении жизни этого же поколения все христианские правительства без отдыха играли со своими соседями в военно-морской покер. В этой игре Франция ставит один военный корабль; Англия видит этот корабль и ставит на один корабль больше; в игру вступает Россия и поднимает ставку еще на один военный корабль, а то и на два: то есть так было раньше, прежде чем в игру вмешался необученный чужестранец, который свел величественную груду фишек к одному дырявому парому и одному крейсеру, неспособному крейсировать. Мы теперь тоже приняли участие в этой игре. А она все продолжается, продолжается, продолжается. Карты не тасуются, не сдаются заново. Ни один игрок не предлагает другому открыться. Это, попросту, нескончаемая игра повышения, повышения и повышения ставок так, что по закону вероятности уже недалек тот день, когда на суше не останется ни одного христианина. За исключением женщин. Все мужчины будут служить на военных судах и плавать по морю.

Эта странная игра, такая опасная, такая разорительная и такая бессмысленная, называется государственной мудростью — а это не то же самое, что государственная глупость, потому что пишется по-другому. Всякий человек, кроме государственного деятеля, сумел бы найти способ, как сократить эти огромные армии до разумных и необходимых полицейских сил, так, чтобы в дальнейшем все христиане могли спокойно спать в своих постелях и чтобы за спасителем, буде он пожелает сойти с небес и пойти по водам, не погнались бы христианские военные корабли, хотя он и иностранец.

Удалось ли Библии сделать что-нибудь худшее, чем утопить нашу планету в невинной крови? По моему мнению, удалось, но это только мое личное мнение, и, может быть, я ошибаюсь. Не было еще протестантского мальчика или протестантской девочки, чей ум Библия не загрязнила бы. Ни один протестантский ребенок не остается чистым после знакомства с Библией. А воспрепятствовать этому знакомству нельзя. Иногда родители пытаются помочь делу, закрывая детям доступ к гнусным непристойностям, которыми полна Библия, но это только раздразнивает желание ребенка вкусить от сего запретного плода, и он от него вкушает — разыскивает его тайком и пожирает с неутолимой жадностью. Во всех протестантских семьях мира ежедневно и ежечасно Библия творит свое черное дело распространения порока и грязных порочных мыслей среди детей. Она совершает этой пагубной работы больше, чем все другие грязные книги христианского мира, вместе взятые,— и не просто больше, а в тысячу раз больше. Юные умы нетрудно оградить от этих других книг, и они от них ограждены. Но защиты против смертоносной Библии у них нет.

Можно ли сомневаться в том, что дети и подростки тайком выискивают запретные главы и ревностно их изучают? Если бы мой читатель был сейчас здесь — будь это мужчина или женщина, десятилетний ребенок или девяностолетний старец,— я заставил бы его самого ответить на мой вопрос, и ответ был бы только один. Исходя из опыта своего детства, он вынужден был бы признать, что Библия оскверняет души протестантских детей — всех, без единого исключения.

Считаю ли я, что христианская религия будет существовать вечно? У меня нет никаких оснований так думать. До ее возникновения мир знал тысячи религий. Все

они мертвы. Прежде чем был придуман наш бог, мир знал миллионы богов. Но они умерли и давным-давно забыты. Наш бог — вне всякого сравнения наихудший бог, какого только могло породить больное человеческое воображение: неужели же он и его христианство ухитрятся сохранить бессмертие вопреки вероятности, опирающейся на бесчисленные примеры, которые мы находим в теологической истории прошлого? Нет, я считаю, что христианство и его бог не будут исключениями из общего правила. Они в свою очередь должны исчезнуть и освободить место для другого бога и еще более глупой религии. Но, может быть, она все-таки будет лучше, чем наша? Нет, это маловероятно. История показывает, что в религиях мы не прогрессируем, а регрессируем. Это, впрочем, неважно: как бы то ни было, обязательно появится новый бог и новая религия. Они будут представлены населению земли и приняты им под давлением единственных аргументов, с помощью которых удавалось убедить какой-либо народ принять христианство или любую другую религию, если только она не была религией их отцов: священное писание, меч, огонь и топор — вот те единственные миссионеры, которым когда-либо удавалось достичь победы с тех пор, как в мире завелись боги и религии. После того как новый бог и новая религия утвердятся в обычной пропорции (одна пятая населения земли — их официальные последователи, четыре пятых — языческое поле миссионерской охоты, где миссионеры самодовольно и бесплодно царапают самый его краешек), будут ли новообращенные верить в них? Конечно, будут. Они всегда верили в те миллионы богов и религий, которые запихивали им в глотку. Нет ничего настолько нелепого или настолько невероятного, чтобы средний человек не смог в это поверить. Ведь находятся же в наши дни десятки

тысяч американцев среднего умственного уровня, которые полностью уверовали в «Науку и здоровье», хотя они не в состоянии понять там ни строчки, и которые, кроме того, поклоняются корыстной и невежественной старухе, присвоившей это евангелие,— миссис Мэри Бейкер-Эдди, непоколебимо веря, что она — приемная дочь святого семейства и скоро отпихнет спасителя на задний план, займет место, ныне занятое им, и будет занимать его до скончания вечности.

Глава четвертая

Суббота, 23 июня 1906 года

Теперь давайте поговорим об истинном боге, настоящем боге, великом боге, высочайшем и верховном боге, подлинном творце реальной вселенной, чьи удаленнейшие уголки посещают только кометы, для которых невероятно далекий Нептун — всего лишь маяк у входа в гавань, своего рода Санди-Хук[1], улыбающийся странникам, в течение многих веков измерявшим глубины пространства и наконец возвращающимся на родину,— вселенной, не изготовленной вручную для астрономической детской, но возникшей в безграничной протяженности пространства по

[1] Санди-Хук — мыс у входа в порт Нью-Йорк.— *Прим. пер.*

повелению только что упомянутого подлинного бога, бога невообразимо великого и величественного, по сравнению с которым все другие боги, мириадами кишащие в жалком людском воображении, подобны рою комаров, затерявшемуся в бесконечности пустого неба.

Когда мы думаем о подобном боге, мы уже не можем приписывать ему ничтожные деяния, лишенные достоинства, лишенные величия. Мы не можем представить себе, чтобы он отверг Сириус, дабы избрать своим подножием нашу картофелину. Мы не можем представить себе, чтобы он интересовался делами микроскопического человечества, радовался его воскресным хвалам и сердился, если хвала эта слабеет или совсем умолкает,— так же как мы не можем представить себе, чтобы китайский император вдруг заинтересовался пробиркой с микробами и с трепетным беспокойством старался бы им понравиться, дабы упиваться их грубой лестью. И если бы даже мы могли себе представить, что китайский император безумно заинтересовался такой пробиркой с микробами, то на этом мы все-таки поставили бы точку. Уж никакими силами мы не могли бы вообразить, что он изберет из этих бесчисленных мириад четверть наперстка иудейских микробов, наименее привлекательных из всего этого множества, и сделает их своими любимцами, и назовет их своими избранными бациллами, и зайдет в своей любви к ним так далеко, что обещает холить и лелеять только их одних, а остальных предать вечному проклятию.

Когда мы исследуем бесчисленные чудеса, великолепие, блеск и совершенство этой бесконечной вселенной (теперь мы знаем, что вселенная бесконечна) и убеждаемся, что все в ней, от стебелька травы до лесных великанов Калифорнии, от неведомого горного ручейка до безграничного океана, от хода приливов и отливов до

величественного движения планет, беспрекословно подчиняется строгой системе точных, не знающих исключения законов, мы постигаем — не предполагаем, не заключаем, но постигаем,— что бог, который единой мыслью сотворил этот неимоверно сложный мир, а другой мыслью создал управляющие им законы,— этот бог наделен безграничным могуществом. Мы постигаем тогда, что, если он желает что-либо сделать, он делает это без чьей-либо помощи. Мы постигаем также, что в тот миг, когда он сотворил эту вселенную, он уже предвидел все, что должно произойти с ней с этого мига и до конца времени.

Но постигаем ли мы при этом, что он — существо нравственное согласно нашим понятиям о нравственности? Нет. Если у нас и есть какие-либо сведения относительно этого, то нам известно лишь то, что он абсолютно лишен морали и нравственности — по крайней мере, морали и нравственности человеческого образца. Известно ли нам, что он справедлив, благостен, добр, кроток, милосерден, сострадателен? Нет. У нас нет никаких доказательств того, что он обладает хотя бы одним из этих качеств,— и в то же время каждый приходящий день приносит нам сотни тысяч свидетельств — нет, не свидетельств, а неопровержимых доказательств,— что он не обладает ни одним из них.

Когда мы молимся, когда мы умоляем, когда мы взываем к нему — слушает ли он? Отвечает ли он? Человеческая история не знает ни единого несомненного случая, который подтверждал бы это. Или же он безмолвно отказывается слушать, отказывается отвечать? Нет ничего, что хотя бы косвенно свидетельствовало об обратном. С начала времен священнослужители, воображавшие себя его избранными и платными слугами, вновь и вновь собирали воедино все свои многочисленные отряды и еди-

ным хором возносили молитву о дожде, но ни разу не вымолили его, если только он не должен был пролиться, подчиняясь вечным законам природы. И во всех случаях, когда дождь все-таки шел, они, будь у них хорошее бюро погоды, могли бы и не утруждать себя этой молитвой, потому что бюро сообщило бы им, что в ближайшие сутки все равно ожидается дождь, независимо от того, будут ли они молиться или попридержат свои преподобные языки.

С начала времен, стоило опасно заболеть какому-нибудь монарху, все священнослужители страны и часть ее населения начинали хором молиться, дабы он был сохранен для своего горюющего народа (в тех случаях, когда народ действительно горевал, чего, как правило, не бывало), и ни разу их молитва не была услышана. Когда президент Гартфилд[1] лежал при смерти, врачи и хирурги знали, что никакая сила не может его спасти. И все же в назначенный час во всех церквах Соединенных Штатов была одновременно вознесена горячая молитва об исцелении президента. Священники проделали это с той же древней простодушной уверенностью, с какой первобытный дикарь молился своим воображаемым демонам, чтобы они пощадили его умирающего вождя,— ибо вовеки не настанет день, когда факты и опыт смогут научить церковь чему-нибудь полезному. Разумеется, президент все равно умер.

Население Великобритании равно сорока одному миллиону человек. В ней имеется восемьдесят тысяч церквей. Буров было сто пятьдесят тысяч человек, и они располагали батареей в двести десять церквей. В начале англо-бурской войны по сигналу примаса Англии все

[1] Гартфилд Джеймс (1831—1881) — президент США в 1881 г. Вскоре после вступления в должность был смертельно ранен просителем, которому он отказал, и умер через два месяца.— *Прим. пер.*

восемьдесят тысяч английских церквей грянули разом, вознося к своему богу оглушительную мольбу о ниспослании победы англичанам, сражающимся в Южной Африке. Маленькая бурская батарея из двухсот десяти церквей ответила дружной одновременной мольбой к тому же богу о ниспослании победы бурам. Если бы восемьдесят тысяч английских священников оставили эту молитву без вознесения и вместо этого сами вышли бы на поле брани, они, несомненно, одержали бы победу, о которой молились,— теперь же победа досталась другой стороне, и английские войска терпели от буров поражение за поражением. Английская церковь благоразумно помалкивала относительно результата своих усилий, но неосторожная бурская церковь, торжествуя, во всеуслышание заявляла, что ее молитвы принесли победу бурам.

Английское правительство больше полагалось на солдат, чем на молитвы, и поэтому, вместо того чтобы удвоить и утроить численность своего духовенства, оно удвоило и утроило численность своих войск в Южной Африке. И тогда случилось то, что случается всегда: англичане выиграли войну, и это достаточно ясно свидетельствует о том, что господь не слушал ни ту, ни другую сторону и ему было так же все равно, кому достанется победа, как бывало все равно с того самого дня, когда он появился, и до настоящего времени,— история не знает ни единого случая, когда он проявил бы хоть малейший интерес к человеческим сварам или к тому, победит ли правое дело или потерпит поражение.

Извлекла ли церковь из этого опыта хоть какой-нибудь урок? Нет, не извлекла. Когда буры добились победы с помощью молитвы — так это казалось самим бурам,— их вера в могущество молитвы еще более укрепилась. Когда же, несмотря на их уверенные мольбы,

они потерпели сокрушительное и окончательное поражение, они остались при прежнем убеждении и их доверие к справедливости и разуму бога ничуть не пострадало.

Как часто мы видим мать, мало-помалу потерявшую все, что было ей дорого в жизни, кроме последнего ребенка, который теперь умирает; и мы видим, как она на коленях у его кроватки, изливая всю тоску разрывающегося сердца, молит бога о милосердии. Какой человек, если бы в его власти было спасти этого ребенка, не поспешил бы с радостью утешить ее? И все же ни одна такая молитва ни разу не пробудила жалости ни в одном боге. Однако теряла ли такая мать веру? Иногда, но лишь очень ненадолго. Она ведь тоже была всего только человеком, таким же, как все остальные, и при следующей беде была вновь готова молиться, вновь готова верить, что молитва ее будет услышана.

Мы знаем, что подлинный бог, верховный бог, настоящий творец вселенной, создал все, что в ней есть. Мы знаем, что он создал всех живых тварей, от микроба и бронтозавра до человека и обезьяны, и что он знал судьбу каждой из них от начала времени до его конца. И каждое существо, большое и малое, он подчинил неизменному закону, устанавливающему, что это существо будет каждый день своей жизни испытывать ненужные и излишние страдания и что ни одному существу, к какой бы дипломатии оно ни прибегало, не удастся избежать этих страданий и горестей; что его путь от рождения до смерти будет усеян коварными, хитро спрятанными ловушками, капканами и силками; а согласно другому закону любое нарушение любого закона природы, совершенное сознательно или по незнанию, должно неизменно влечь за собой кару в десять тысяч раз более тяжелую, чем сам проступок. Можно только поражаться

всеобъемлющей и всепроницающей злобе, которая терпеливо снизошла до того, чтобы изобрести сложнейшие пытки для самых жалких и крохотных из бесчисленных существ, населивших землю. Паук был устроен так, что он не стал есть траву, а вынужден был ловить мух и других подобных же созданий и обрекать их на медленную, мучительную смерть, не сознавая, что скоро придет и его черед. Оса была устроена так, что она тоже отказывалась от травы и жалила паука, не даруя ему при этом быстрой и милосердной смерти, а только парализуя его, чтобы затем сунуть в осиное гнездо, где ему предстоит еще долго жить и страдать, пока осиный молодняк будет не торопясь объедать ему ноги. В свою очередь был обеспечен и убийца для осы, и убийца для убийцы осы — и так далее, через весь круг созданий, живущих на земле. Среди них нет ни одного, которое не было бы предназначено и приспособлено для того, чтобы нести страдания и смерть какому-нибудь другому существу и в свою очередь принимать страдания и смерть от какого-нибудь другого собрата-убийцы. Залетевшую в паутину муху можно обвинить только в неосторожности, а не в нарушении какого-нибудь закона. И все же наказание, которое терпит муха, в десять тысяч раз более сурово, чем заслуживает подобный проступок.

Закон десятитысячекратной кары строго соблюдается по отношению ко всем живым существам, включая и человека. Всякий долг, был ли он сделан сознательно или по незнанию, природа немедленно взыскивает еще на этом свете, не откладывая сведения счетов до десятимиллиарднократной добавочной кары, которая подлежит взысканию — если речь идет о человеке — на том свете. Эта система чудовищных наказаний за вину, за ничтожные проступки и за отсутствие какой-либо вины вступает

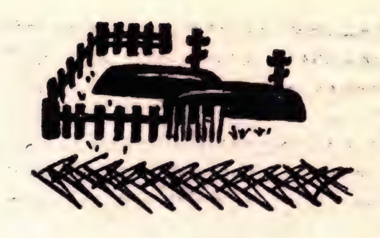
в действие с той минуты, когда беспомощный младенец впервые открывает глаза, и не перестает терзать его, пока не истечет последняя минута его жизни. Найдется ли отец, который захотел бы мучить своего малютку незаслуженными желудочными коликами, незаслуженными муками прорезывания зубов, а затем свинкой, корью, скарлатиной и тысячами других пыток, придуманных для ни в чем не повинного маленького существа? А затем, с юности и до могилы, стал бы терзать его бесчисленными десятитысячекратными карами за любое нарушение закона, как преднамеренное, так и случайное? С тончайшим сарказмом мы облагораживаем бога званием отца — и все же мы отлично знаем, что, попадись нам в руки отец в его духе, мы немедленно его повесим.

Церковное оправдание и восхваление этих преступлений лишено хоть какой-нибудь убедительности. Церковь заявляет, что они совершаются во имя блага страдальца. Они должны наставить его на путь, очистить, возвысить, подготовить к пребыванию в обществе бога и ангелов — послать его на небеса, освященного раком, всяческими опухолями, оспой и всем прочим, что входит в эту систему воспитания и образования. И ведь если церковь хоть что-нибудь соображает, она должна знать, что она сама себя морочит. Ведь она могла бы понять, что если подобного рода воспитательные меры мудры и полезны, то мы все безумны, раз до сих пор не прибегаем к ним, воспитывая наших собственных детей.

Неужели церковь искренне верит, что мы способны улучшить очищающую и возвышающую систему, изобретенную всемогущим? По-моему, если бы церковь действительно верила тому, что она проповедует в этом отношении, она должна была бы посоветовать каждому отцу подражать методам всемогущего.

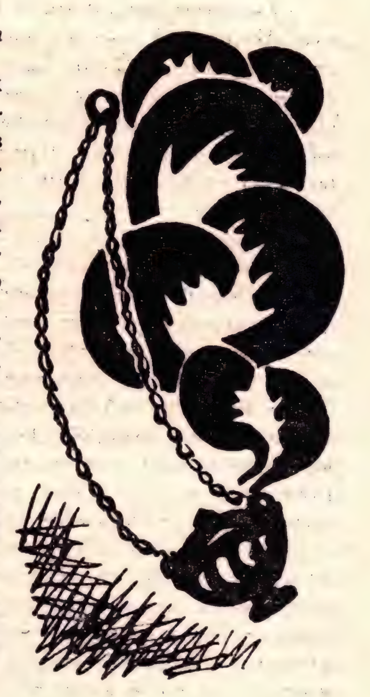
Однако едва церкви удается убедить свою паству, что эта система мудра и милосердна и придумана всемогущим, дабы наставлять на путь, очищать и возвышать его детей, которых он бесконечно любит, как церковь благоразумно прикусывает язык. Она не рискует пойти дальше и объяснить, почему те же преступные кары и муки ниспосылаются и высшим животным — аллигаторам, тиграм и всем прочим. Она даже заявляет, что зверей ждет вечная смерть, подразумевая под этим, что их грустная жизнь начинается и кончается здесь, на земле, что они никуда дальше не отправляются, что для них нет рая, что ни бог, ни ангелы, ни праведные души не жаждут их общества в потустороннем мире. Это ставит церковь в смешное положение, потому что, несмотря на все ее хитроумные объяснения и апологии, она таким образом обличает своего бога как злобного и безжалостного тирана по отношению к ни в чем не повинным зверям. Во всяком случае и совершенно бесспорно, она этим молчанием бесповоротно осуждает его как злобного владыку, успев перед этим убедить свою паству, что он слагается только из сострадания, праведности и всеобъемлющей любви. Церковь попросту не знает, как примирить эти вопиющие противоречия, да и не пытается этого делать.

По полному отсутствию у него любого из тех качеств, которые могли бы украсить бога, внушить к нему уважение, вызвать благоговение и поклонение, настоящий бог, подлинный бог, творец необъятной вселенной ничем не отличается от всех остальных имеющихся в наличии богов. Он каждый день совершенно ясно показывает, что нисколько не интересуется ни человеком, ни другими животными — разве только для того, чтобы пытать их, уничтожать и извлекать из этого занятия какое-то развлечение, делая при этом все возможное, чтобы его вечное и неизменное однообразие ему не приелось.

Глава пятая

Понедельник, 25 июня 1906 года

И вот от этих-то небесных бандитов наивный, доверчивый и нелогичный кролик в человечьем облике ждет вечного райского блаженства, которое вознаградит его за терпение в нужде и страданиях, насылаемых на него здесь, на земле,— в незаслуженных страданиях, длящихся в иных случаях два-три года, в других — пять — десять лет, а в некоторых — тридцать, сорок или пятьдесят, а то и шестьдесят, семьдесят, восемьдесят. Как во всех случаях, когда судьей является бог, награды далеко не соответствуют страданиям — и вообще в этом нет никакой системы. Страдали ли вы восемьдесят лет, скон-

чались ли от кори в три года — вы получите одинаковую порцию райского блаженства.

Нет никаких доказательств, что за могилой людей ждет райское блаженство. Если бы мы нашли какую-нибудь древнюю книгу, в которой несколько неизвестных людей наиподробнейшим образом поведали бы нам о цветущем и прекрасном тропическом рае, скрытом в недоступной долине посреди вечных льдов Антарктики — причем даже не утверждая, что они видели его собственными глазами, а лишь ссылаясь на ниспосланное богом откровение как на источник этих сведений,— ни одно географическое общество в мире не приняло бы эту книгу всерьез. А ведь эта книга являлась бы столь же подлинным, столь же достоверным и столь же ценным свидетельством, как и Библия. Библия точь-в-точь такова. Все сведения о существовании ее рая получены косвенным путем — от неизвестных лиц, которые ничем не доказали, что они бывали там сами.

Если бы Христос действительно был богом, он мог бы доказать существование рая, поскольку для бога нет ничего невозможного. Он мог бы доказать это каждому человеку своего собственного времени, и нашего времени, и всех будущих времен. Когда бог хочет доказать, что солнце и луна неизменно, каждый день и каждую ночь, будут выполнять назначенную им работу, ему это нетрудно. Когда он хочет доказать, что человек каждую ночь неизменно будет находить созвездия на их местах — хотя днем нам кажется, что они исчезли навсегда,— ему это нетрудно. Когда он хочет доказать, что времена года обязательно будут снова и снова сменять друг друга согласно раз и навсегда установленному закону, ему это нетрудно. По-видимому, он хотел неопровержимо доказать нам много миллионов всевозможных фактов и сде-

лал это без всякого труда. И только когда он, по-видимому, хочет доказать нам существование грядущей жизни, его изобретательность истощается и он сталкивается с задачей, которая оказывается не по плечу его прославленному всемогуществу. Когда ему понадобилось доставить людям весть куда более важную, чем все остальные его вести, вместе взятые, доставка которых нисколько его не затруднила, он не сумел придумать для этого никакого средства, кроме самого жалкого из всех возможных — книги. Книги, написанной на двух языках (чтобы передать весть тысячам разных народов!), которым в течение медленно тянущихся веков и эр предстояло меняться, меняться, меняться и в конце концов стать абсолютно непонятными. Но даже если бы они оставались неизменными, как остаются неизменными мертвые языки, все равно было бы совершенно невозможно с полной точностью передавать эту весть на каком-либо из тысяч языков каждой эпохи.

Согласно свидетельствам, полученным из третьих рук, характер любого значительного бога слагается из любви, справедливости, доброты, всепрощения, сочувствия любому страданию и желания его уничтожить. В противовес этому чудесному портрету (созданному только на основе не имеющих никакой ценности слухов) мы имеем получаемые нами каждый день в году, подтверждаемые нашим зрением и другими чувствами абсолютно точные доказательства того, что на самом деле этим богам совершенно чужды любовь, милосердие, сострадание, справедливость и все другие прекрасные качества, а наоборот, характер их слагается из самой чудовищной жестокости, несправедливости и кровожадной мстительности, какие только можно вообразить. Наше представление о предполагаемом характере бога опирается только на свидетельства,

причем весьма сомнительные. Представление же об истинном его характере опирается на доказательства, и на доказательства неопровержимые.

Логично ли ожидать, что боги, которые постоянно и неизменно забавляются злобными преследованиями ни в чем не повинных людей и животных, собираются затем одарить свои жертвы вечным блаженством? Если король Леопольд II Мясник вдруг объявит, что он собирается избавить одного из каждой сотни ни в чем не повинных, беспомощных конголезских негров от унижений, голода и насильственной смерти и увезти его к себе в Бельгию, чтобы поселить его в своем дворце и кормить за своим столом, много ли найдется людей, которые этому поверят? Все скажут: «Характер человека неизменен. Такой поступок не соответствовал бы характеру этого мясника. Характер Леопольда сложился раз и навсегда и измениться не может — этот человек неспособен на подобный добрый поступок».

Характер Леопольда действительно сложился раз и навсегда. Так же как и характеры всех сколько-нибудь значительных богов. И абсолютно нелогично предположение, что бельгийскому Леопольду или небесным леопольдам может прийти в голову пригласить хоть ничтожную часть своих жертв к королевскому столу и отдать в их распоряжение удобства и роскошь королевского дворца.

Согласно свидетельствам, полученным от третьих лиц, значительные боги имеют обыкновение выбирать себе одного любимца из сотни жертв — выбирать наугад, не проверяя, лучше ли он остальных девяноста девяти или нет,— а всех остальных девяносто девять обрекают на вечное проклятие, даже не ознакомившись с их делом. Если бы не одна маленькая неувязка, это было бы абсо-

лютно логичное построение, правильно отражающее всем известный характер богов,— неувязка же эта заключается в произвольном и неправдоподобном предположении, будто одному человеку на сотню позволят избежать этого проклятия. Весьма мало вероятно, что в загробной жизни нас ждет рай. Чрезвычайно вероятно, что там нас ждет ад. И почти совершенно несомненно, что этого ада не избежит никто.

Ну а теперь о человечестве. В человечестве есть много милого и симпатичного. Пожалуй, никто из богов ни разу не изобретал ничего более жалкого, но оно об этом даже и не подозревает. Что может быть милее этого наивного и благодушного самолюбования? Человечество прямо, без малейшего смущения, даже не покраснев, заявляет, что оно — благороднейшее творение бога. У него было бесконечное множество случаев убедиться в обратном, но этого осла не убеждают никакие факты. Я мог бы высказать о нем много горьких истин, но не могу себя заставить — ведь это все равно что бить ребенка.

Человека нельзя упрекать за то, что он такой, как есть. Он не сам себя создал. У него нет над собой никакой власти. Эта власть передана его темпераменту (которого он не создавал) и окружающим его с колыбели до могилы обстоятельствам, которые не он придумал и которые он не может изменить по своей воле, потому что у него нет воли. Он просто механизм, вроде часов, и, как часы, не может ни влиять на свои действия, ни отвечать за них. Его надо жалеть, а не упрекать, не презирать. Его швырнули в этот мир, не спрашивая его согласия, и он немедленно вбивает себе в голову, что имеет какие-то таинственные обязательства перед неизвестной силой, которая поступила с ним таким возмутительным образом,— и с тех пор он считает, что несет ответственность перед

этой силой за каждый свой поступок и подлежит наказанию за те из них, которые эта сила не одобряет. Однако тот же самый человек рассуждал бы совсем иначе, если бы какой-нибудь земной тиран поработил его, наложил бы на него путы и потребовал бы слепой покорности. Он заявил бы, что тиран не имел на это права, что тиран не имел права приказывать ему и требовать от него повиновения, что тиран не имел права вынуждать его совершать убийство, а потом возлагать на него ответственность за это убийство.

В вопросах морали человек постоянно проводит крайне странное различие между человеком и его творцом. От своих ближних он требует соблюдения весьма достойного морального кодекса, но полное отсутствие морали у его бога не вызывает у него ни стыда, ни неодобрения.

Бог искусно сотворил человека таким образом, что он не может не подчиняться законам своих страстей, склонностей и различных весьма сомнительных и малоприятных свойств. Бог сотворил его так, что все избираемые им пути усеяны ловушками, избежать которых он никак не может и которые вынуждают его совершать так называемые грехи,— и тогда бог наказывает его за поступки, которые с начала времен предназначил ему совершить. Человек — машина, которую бог изготовил без чьей-либо просьбы. У нас на земле тот, кто делает машину, отвечает за ее работу. Никому и в голову не придет пытаться возложить ответственность на машину. Мы все отлично знаем, хотя все скрываем это — как скрываю и я, пока не умру и не окажусь вне досягаемости общественного мнения,— мы все знаем, повторяю, что бог, и только бог, несет ответственность за каждое деяние и за каждое слово человека от колыбели и до могилы. Все мы отлично это

знаем. В глубине души мы не сомневаемся в этом. В глубине души мы без колебания объявим тупым дураком всякого, кто верит в то, будто он верит, что он имеет хоть малейшую возможность согрешить против бога, или того, кто думает, что он думает, будто у него есть обязательства по отношению к богу, что он обязан ему благодарностью, благоговением и поклонением.

Об этой книге

«Четыре утра подряд я диктовал ужасные вещи, которые не прочтет никто, кроме вас, пока со дня моей смерти не минет столетия,— да и то не наверняка. Но я очистил от них свой организм после того, как они много лет терзали и мучали меня, и это главное. Я чувствую себя сейчас заметно лучше».

Так писал Марк Твен своему другу, писателю Уильяму Дину Хоуэллсу, на следующий день после того, как закончил диктовать свои «Размышления о религии».

Об отношении Твена к религии было немало споров. Одни его биографы считали писателя «великим безбожником». Другие — как, например, американский историк Ф. Фонер — решительно оспаривали это мнение, утверждая, что Твен никогда не был атеистом. Конец этим спорам положил сам писатель спустя полстолетия после своей смерти. Он сказал свое слово о религии в произведениях, которые смогли увидеть свет только в наши дни.

Совсем недавно читатели познакомились с «Письмами с Земли» — яркой, остроумной книгой, в которой великий сатирик подверг беспощадной критике библейские домыслы, христианское вероучение, религиозную мораль. А осенью 1963 г. произошла новая встреча с Твеном. В американском журнале «Хадсон ревью» были впервые

напечатаны «Размышления о религии», продиктованные писателем в июне 1906 г. и до сих пор остававшиеся неопубликованными. Достаточно познакомиться с этими талантливыми заметками, чтобы сделать единственно возможный вывод об отношении Твена к религии.

Твен писал свои «Размышления» на закате жизни. За год до этого вся Америка торжественно отмечала семидесятилетие любимого писателя. Это был подлинный праздник американской литературы, который разделяли литераторы всех стран мира. На торжественном обеде, после зачтения многочисленных адресов, выступил сам юбиляр. «Мне семьдесят,— сказал он,— семьдесят — и, значит, пришла пора засесть в уголок у камина и покуривать трубку, и почитывать книжку, и отдыхать сколько влезет, и пожелать вам от всего сердца, чтобы и вы, когда настанет ваш срок высадиться у Причала № 70, ступили на ожидающее вас судно с примиренной душой и бестрепетно взяли курс на заходящее солнце».

Но Твен не засел «в уголок у камина». Слишком много невысказанного осталось у него, слишком много сокровенного, о чем он хотел поведать людям. Он уезжает в штат Нью-Гемпшир и там в загородном доме на склоне горы Монаднок, в нескольких милях от Дублина, начинает работать над своей «Автобиографией», которой он как бы хочет подвести итог своей большой жизни. Великий сатирик решает сказать без утайки все, что лежало у него на душе, все, что он думал и о чем не мог говорить в самом «свободном и демократическом государстве». И он заявляет, что «Автобиография» будет опубликована только после его смерти. «Я пишу из могилы. Только при этом условии человек может быть хоть сколько-нибудь откровенным»,— говорит Твен своим близким.

«Автобиография» писателя — это не просто его жизнеописание. Это собранные воедино размышления Твена об окружающем мире, о политике, о современном ему обществе. Естественно, что писатель не мог пройти и мимо религии, которая занимала большое место в жизни американского общества.

По словам биографа Марка Твена Чарльза Найдера, в воскресенье 17 июня 1906 г. писатель отправил письмо Уильяму Дину Хоуэллсу, в котором были такие строки: «Завтра я собираюсь продиктовать главу, за которую моих наследников и душеприказчиков сожгут живьем, если они рискнут ее напечатать до 2006 года,— но я думаю, они не рискнут. Если я проживу еще три-четыре года, таких глав будет очень много. Издание 2006 года наделает немало шума, когда появится в свет. Я буду порхать где-нибудь поблизости, наблюдая за происходящим в обществе моих близких друзей-поклонников. Приглашаю и вас».

Через день он начал диктовать свои «Размышления о религии».

«Он не был атеистом, как считают многие»,— писал о Твене уже упоминавшийся историк Ф. Фонер. Это утверждение оказывается совершенно несостоятельным при знакомстве с «Размышлениями о религии». С присущим ему остроумием, ярким сатирическим талантом, писатель обрушивается на христианскую догматику, показывает ее противоречивость. Он воспроизводит облик христианского бога с позиций здравого смысла, сбрасывая с него те одежды, в которые рядили его служители религии. И бог оказывается вовсе не таким, каким рисуют его священнослужители в храмах, какому поклоняются миллионы верующих людей. Христианский бог предстает злым, коварным, жестоким, мстительным, подобным Не-

рону или Калигуле, имена которых запятнаны предательствами, убийствами, кровавыми злодеяниями.

Особая сила заметок Твена состоит в том, что он не приписывает богу никаких черт от себя. Он обращается к «священному писанию», анализирует его и делает свои выводы, опираясь непосредственно на библейские тексты, на христианское вероучение. Но если верующие слепо следуют этому учению, не давая себе труда задуматься над тем, во что же они, собственно, верят, то Твен подходит к христианскому вероучению как вдумчивый критик, как мыслитель, подвергая его логическому анализу. И оказывается, достаточно трезво взглянуть на вещи, чтобы увидеть их совсем в ином свете.

Писатель неоднократно подчеркивает, что все боги, в том числе и христианский, созданы людьми. Он прямо заявляет, что не верит в вечность христианства. Эта религия, как и все другие, возникла на определенном этапе развития человеческого общества, и она отомрет точно так же, как древние религии, о которых мы сегодня знаем лишь по истории.

Совершенно естественно, что было бы неправомерно требовать от Твена какого-то научного анализа происхождения религии, развития христианства, его роли в обществе. Твен — не ученый, он — писатель. И в своих заметках он просто излагает мысли, рожденные в результате многих лет раздумий, наблюдений, сомнений и поисков. Можно не соглашаться с некоторыми положениями, выдвинутыми писателем, можно оспаривать их, но нельзя отрицать строгой последовательности «Размышлений о религии». Нельзя отрицать, что их автор, великий сатирик, предстает перед нами как воинствующий атеист, непримиримый противник религии, смелый обличитель христианства.

Твен неоднократно на протяжении своей литературной деятельности обращался к антирелигиозной теме. Его перу принадлежат такие талантливые атеистические произведения, как повесть «Таинственный незнакомец», «Дневник Адама», «Дневник Евы», «Письма с Земли», рассказы «Военная молитва», «Любознательная Бесси», «Путешествие капитана Стормфилда в рай», «Мистер Рокфеллер и воскресная школа». В этих произведениях писатель со всей силой своего таланта показал, как нелепа вера в сверхъестественные силы, в загробную жизнь, как наивна вера в творца, якобы создавшего окружающий нас мир. В одном из памфлетов — «Был ли мир сотворен для человека?» — он подверг уничтожающей критике измышления буржуазных ученых о божественном творении мира.

Не легко и не просто писатель пришел к атеизму. Понадобились многие годы исканий для того, чтобы он смог заявить: «Не понимаю, каким образом человек, не лишенный юмора, может быть верующим — разве что он сознательно закроет глаза своего рассудка и будет силой держать их закрытыми». В «Размышлениях о религии» Твен, будучи стариком, высказал все, что он думал о религии.

Одним из моментов, который несомненно сыграл роль в отрицательном отношении писателя к религиозной вере, была бесчеловечность религии, выразившаяся в черных деяниях служителей церкви на протяжении многих столетий человеческой истории. Не случайно Твен в своей книге о религии с возмущением пишет о кровавых преступлениях колонизаторов, проводивших захватническую политику под христианским флагом. Писатель негодует против еврейских погромов в царской России, которые проводило «ультрахристианское» цар-

ское правительство в начале нынешнего столетия. Твен знал о погромах по сообщениям печати. Вместе со всеми честными людьми он выступал против истребления людей царскими жандармами. Следует отметить, что в те же годы против погромов, против разгула черносотенцев решительно боролись революционный пролетариат России и партия большевиков, выступая в защиту еврейского населения. Твен был со всеми людьми, которые обличали варварство царизма и его верного защитника — православной церкви.

На долю антирелигиозных произведений Твена выпала нелегкая судьба. Многие из них до сих пор продолжают оставаться неизвестными читателям. Свыше 50 лет хранились за семью печатями «Письма с Земли». До 1963 г. не были изданы «Размышления о религии». Дочь и наследница писателя — Клара Самосуд (Клеменс) категорически отказывалась дать разрешение на их опубликование. Как сообщает в предисловии к американскому изданию этого произведения Чарльз Найдер, Клара Клеменс, налагая запрет на публикацию заметок, заявила, что «их опубликование сыграет на руку борющемуся с религией Советскому Союзу и обрадует его». Это являлось одной из главных причин того, что «Размышления о религии» долгое время были упрятаны от читателя.

Но это не единственная причина. В том же предисловии указывается, что дочь писателя не соглашалась на публикацию этого произведения, так как боялась нападок со стороны религиозных фанатиков, а кроме того, являясь последовательницей религиозной секты «Христианская наука», она была оскорблена выпадами отца против Мэри Бэйкер-Эдди, основательницы секты.

Эта версия представляется более вероятной. Достаточно вспомнить, скольких трудов стоило Твену опубли-

ковать в США «безбожный» рассказ «Путешествие капитана Стормфилда в рай», сколько нападок пришлось ему вынести за свои антирелигиозные произведения. Эти факты красноречиво говорят о том, что в стране «процветающей демократии» слишком сильны реакционные силы религиозников, которые препятствуют всякому проявлению свободомыслия, атеизма.

Только в 1960 г. Клара Клеменс, уступая требованиям общественности, наконец дала согласие на публикацию «Размышлений о религии». Но еще три года понадобилось для того, чтобы напечатать эти заметки. Сейчас многие миллионы почитателей яркого сатирического таланта великого американского писателя могут познакомиться с этим интереснейшим произведением.

Впервые издаваемые на русском языке, «Размышления о религии» Марка Твена представляют несомненный интерес для советских читателей. В нашей стране знают и любят Твена. Каждая встреча с его произведениями доставляет читателям истинную радость. Именно поэтому большой интерес вызывают заметки великого сатирика, раскрывающие одну из самых интересных сторон в его творчестве — отношение к религии, характеризующие Твена как писателя-антирелигиозника, как воинствующего атеиста.

А. Васильев

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ 3

ГЛАВА ВТОРАЯ 9

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 15

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 24

ГЛАВА ПЯТАЯ 33

А. Васильев. ОБ ЭТОЙ КНИГЕ 40

Твен Марк.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЛИГИИ. М., Политиздат, 1964.

47 с. с илл.

И (Амер)

Редактор *А. Белов*

Художник *Ю. Петров*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Т. Климова*

Сдано в набор 28 февраля 1964 г. Подписано в печать 21 мая 1964 г.
Формат $70\times108^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. $1^{1}/_{2}$. Условн. печ. л. 2,055.
Учетно-изд. л. 1,69. Тираж 120 тыс. экз.
Заказ № 2100. Цена 5 коп.

Работа объявлена в «БЗ» № 1/13 от 1/I—64 г.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано с матриц типографии «Красный пролетарий» на комбинате печати «Радянська Україна». Зак. 03103. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

5 коп.

